ЭКСПЕДИЦИЯ ВО МРАК
III ЧАСТЬ – ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ АККОРД

1. ГЛУБИНЫ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ

3. КАК СЛАДОК СОН...

Как ярок свет, когда вернешься к свету
Из глубины нахмуренной Земли!
Измерив подноготную планеты,
Подумаешь – неужто мы прошли?
   Ужели нам все это не приснилось?
   И шум воды, и грохот молотка?
   Меандров бесконечные теснины?
   И гиря стопудового мешка? (*282)

Встреча возвращающихся из Пропасти – особый ритуал.

Едва вверху на тропе замаячат меж буков перемазанные глиной фигуры, все, кто держится на ногах, высыпают из палаток, отрываются от текущих дел.

Вернулись! Каждый рад пожать изъеденные водой и веревкой руки, помочь стащить сапоги, подкурить сигаретку, отвернуть пассатижами заглиненную муфту мэйон рапида, поднести с кухни горячего чайку, водички умыться.

Неважно – днем или ночью возвращается группа, в лагере ее ждут.

Если вернулись днем – редко кто валится спать до темноты. Хотя еще недавно казалось, все бы отдал, чтобы упасть и заснуть на солнышке. Но...

Столько несказАнного наслаждения в дивной зелени августовского леса, в переполненном запахами теплом воздухе.

Остро пахнет субтропическая растительность, влажной прелью дышит земля, ветерок наносит горьковатый дымок буковых дров и волшебные ароматы от кухонного костра!

Само сознание того, что ты в любой момент можешь упасть в палатку, зарыться в сухое тепло спального мешка и спать, спать, спать! – заставляет оттягивать эту блаженную минуту. Предвкушение не менее волшебно, чем осуществление.

Но вот – сладостная сытая тяжесть в желудке, выкурена последняя сухая сигарета, заползаешь в палатку, с трудом натягиваешь на плечи волшебно сухой и теплый спальник, глаза неодолимо слипаются, все!

Как сладок сон, когда придешь на Землю,
Оставленную много дней назад!
И только раны старые на теле
Не расстаются с прошлым и болят.
   Болят о том, что пройдено давно,
   Как будто мы опять стоим на Дне!
   А память, как в замедленном кино,
   Прокручивает ленту этих дней.

Когда возвращаются со Дна – встречают не в лагере.
Возвращающихся со Дна ждут у входа в Пропасть.

* * *

Но нам до Дна еще далеко.

Завтра вниз уходим мы – первая донно-штурмовая четверка: Бессергенев, Рыльский, Параконный и я.

Четверка, безусловно, "ударная", потому что нам предстоит забить крючья и сделать навеску на всю нижнюю часть Пропасти.

План в идеале таков: катимся до Базы-700, ночуем в гамаках.

К этому времени группа Сергея Шалыги должна доставить к концу Второго засифонного меандра - примерно на отметку -800, веревки, продукты и оборудование для последней подземной базы, которую нам предстоит установить на дне Большого 200-метрового колодца.

Мужики протаскивают мешки через меандры и возвращаются в Базу-600.

После ночевки на -700 мы подхватываем эту мешочную эстафету и идем вниз, попутно забивая крючья и навешивая снаряжение до дна 200-метрового колодца, где ставим глубинную Базу-1100 и в ней же ночуем.

Далее выход на Дно с навеской и возвращение к базе внизу Большого колодца, где уже ночует и ждет нас вторая донная четверка Волкова.

"Волки" идут на Дно, мы спим и освобождаем спальные мешки по их возвращении, а в это время от -700 прямо ко Дну скатывается последняя штурмовая четверка и начинает, возвращаясь, выбирать снаряжение до Базы-1100, передает его группе Волкова, те несут вверх, отдают нам и...

Уфф! Вся эта многоходовка отрисована на бумаге в виде графика штурма, рассчитана по часам и по мешкам, но посчитается ли с нашими планами Пещера?

Не факт.

"Все мы стремимся к идеалу, хоть идеал недостижим..." (*283)

Телефонная связь протянута нами только до Базы-700, так что координация групп во время штурма будет сильно затруднена.

Главное - чтобы каждая четверка строго придерживалась оговоренного вот сейчас, на земле, временнОго графика.

В этом залог успеха. А там, как говорится, по обстановке.

* * *

Каждый из нас по-своему готовится к встрече с Пропастью.

Но вот окончены бесконечные сборы: проверка запасных лампочек, упаковка карбида, кембрика, крючьев, молотков, гаечных ключей, НЗ питания, спичек и курева, выписка на лейкопластырь перечня колодцев, таблетки, ножи, карабины, штопка обремканых комбинезонов и клейка брызговиков - все это, наконец, сделано.

Все, кажется, готово.

И конечно, стоит войти в Пропасть, как тут же выяснится, что это забыл, а то надо было сделать лучше.

Но что делать? В конечном итоге и этим поверяется истинный класс кейвера - в способности предусмотреть все необходимое в ограниченном объеме личного снаряжения, которое нужно взять с собой, чтобы потом ни о чем не жалеть.

Потому что, отрываясь от земли, ты превращаешься в некую подземную человеко-машину с собственным ресурсом автономного лазания и индивидуальным запасом прочности от предвидимых непредвиденностей.

Есть и такой обычай на Земле - провожать уходящих в ее недра.

Накормить, поднести транспортные мешки, угостить на прощанье сигареткой, просто похлопать по плечу.

А если надо, то и сбегать в лагерь за чем-нибудь забытым впопыхах и очень необходимым.

Уходить лучше на рассвете, когда все в тебе просыпается, все внутренние аккумуляторы подзаряжены добрым отдыхом на земле, а биоритмы находятся в полном соответствии с природой.

Тот, кто не может заставить себя уйти утром, потом не раз об этом пожалеет.

Впрочем, о вкусах не спорят.

Как кричат кузнечики! Иногда кажется, что для них не существует различия между утром и вечером, ночью и днем.

Они поют свою бесконечную песню над Бзыбью, в глубины которой ведет наш путь.

Вот за этими невзрачными каменными воротами...

Все. Один за другим мы исчезаем в черном отверстии воронки с надписью на краю: пропасть имени В.С.Пантюхина.

* * *

Ночь на -700 выдалась беспокойной. Для меня.

При каждом движении гамак угрожающе потрескивает, и хотя я сам крепил его растяжки, почему-то это обстоятельство спокойствия не прибавляет.

Грохнуться с двухметровой высоты на исковерканный водой пол, да еще спросонок... хоть каску одевай!

И еще не дает покоя мысль о том, что вчера группа Шалыги не смогла пронести мешки через Второй засифонный меандр. Четверка до того вымоталась, что разделилась: одна двойка нашла в себе силы вернуться на -600, вторая, вопреки запланированному графику, - решила остаться в подвесной базе.

Я узнал об этом перед сифоном и понял, что с первого же этапа график штурма пошел, что называется, в натяг.

Присутствие в лагере перед "Пантикапеем" остатков группы заброски меня, конечно, устроить не могло, так как База-700 предназначалась для первой штурмовой четверки. Но с этим было просто - с нашим приходом ребятам придется базу освободить и раскачать себя еще на час работы.

Гораздо больше не радовала перспектива тащить мешки через Второй меандр, что грозило крепко нас задержать и тем самым напрочь вышибить из запланированного графика штурма.

С ретивостью уездного режиссера Пропасть принялась кромсать и править мой сценарий.

Что оставалось делать?

Держать удары и оставаться на ногах...

* * *

С базой обошлось. Едва пройдя сифон и углубившись в Первый меандр, услышали характерный скрежет и через пару минут повстречали Валеру - одного из новокузнечан, приданного в помощь группе транспортировки. Странно расширенные глаза и оцепенение на лице.

- Валера! Ты почему один?

- Решили с Серегой разделиться. Он на -700 ждет.

- Ты в порядке?

Кивок.

- Как там Второй меандр?

- Длинный. Не прошли до конца, - и расширенные глаза.

- Ладно, двигай к базе, тут уже рядом.

Параконный улыбается:

- Нахлебался! Там нормально. Просто, мешки тяжело тащить.

Из всего состава экспедиции, только Володя Параконный уже был на дне. Именно потому я поставил его в первую четверку - как проводника.

Но вот беда! Теперь Вовка идет, совершенно не узнавая пропасть.

Высвеченная мощным светом наших карбидок, Пантюхинская открывает множество ранее не замеченных им подробностей.

Но все-таки, "полупроводник" у нас есть, и это здорово. Самые обидные потери времени - от незнания верного пути.

Пару дней назад одна из групп заброски сбилась с маршрута на участке, казалось бы, совершенно безобидном. Случилось это на -500 за "Пером" - выдающимся вверх пятиметровым скальным гребнем, разделяющим дно очередного колодца на две неравные половины. Ориентируясь по течению ручья, парни неожиданно уткнулись в узость. Да такую, что пришлось остановиться.

Откуда здесь узость? Никто раньше и не упоминал о таком экзотическом препятствии на этом участке! Но там, за тесниной, явственно виднелась веревка следующей навески. Значит, надо идти.

И они пошли.

Таких крепких выражений в свой адрес пещера могла и не слышать!

Потеряв кучу времени и, наконец, продравшись через жуткую щелевидную узость, группа вышла к навеске... но:

а) чужой, оставшейся с прошлого года;

б) в средней ее части, откуда было хорошо видно, что веревка начинается в нескольких метрах выше!

Можно себе представить следующий аккорд высказываний!

А нужный проход, широкий и комфортный шел просто выше, над узостью - подними голову, и увидишь.

Так ведь надо же поднять ее - голову, и не просто, а в нужный момент!

* * *

Второй засифонный меандр начинается сразу же со дна колодца с пышным названием "Пантикапей". Весь украшенный черноватыми вычурных форм натеками, он и правда своеобразен.

Второй меандр явно является продолжением водотока, прибывающего со стороны пещеры Богуминская. Именно здесь Валерий Янович Рогожников наблюдал приход краски.

Но если весь гипотетический путь от Богуминской таков?!..

Бр-р-р!

И вот Второй меандр: 195 метров узкой в поперечнике и высокой щели, по которой приходится пробираться где-то в средней ее части между непроходимо сужающимися "полом" и "потолком".

Что там Торгашинский "Шкуродер"!

Шалыга все-таки не зря дожидался нас в Базе-700. Потому что с ним я смог передать группе Волкова только что принятое решение, которое, в случае успеха, могло спасти запланированный график штурма.

Вот в чем оно заключалось.

Уходя вниз, мы брали с собой только базу и снаряжение для навески до дна 200-метрового колодца. Остальные мешки должны были поднести к нам Андрей Волков, Кэп, Понтя и Шалыга. Причем поднести не позже, чем мы втянемся в этот, самый огромный в пропасти, колодец. Иначе либо им, либо нам придется наматывать туда-сюда лишние 200 метров спуска-подъема, а это опять срыв графика.

По какому варианту сложится судьба экспедиции, зависело теперь от того, найдет ли в себе силы четверка Волкова снова повторить путь по зловредным меандрам - после короткого сна, плохо восстановившись после предыдущего рабочего выхода...

* * *

...Хорошо, что все когда-нибудь да кончается!

Вчетвером с шестью мешками, вываливаемся из проклятущего меандра к устью колодца с очередным громким названием "Слава Севастополю". Почему-то без восклицательного знака в конце. Сразу чувствуется крымская скромность. Называть бы, так уж называть!

О-о! Как приятно после дурацких узостей снова выйти в нормальную пещеру! Слева по ходу возникает очередной приток ручья. Интересно, откуда идет эта водичка?

Если раньше нас тормозили мешки, то теперь нам приходится бить крючья. Одна радость - мешки с веревками худеют на глазах. Как приятно повесить на крюк очередной опустевший транспортник! Значит, еще 130 метров навески остались над головой.

Продвигаемся по широким меандрам. Вода неожиданно уходит куда-то вниз - отверстый в ее шуме колодец жутковатой чернью разверзается под ногами: интересно, а в эту воду кого-нибудь угораздило заглянуть?

Дальше путь и вовсе сухой. Единственное неприятное ощущение - "Пермская база" где-то на -850: зловонные остатки спелеологической жизнедеятельности лишают всякого желания задерживаться во владениях пермяков.

Позже поляки вроцлавской команды Виктора Болека окрестили это место "Смердящий бивак"...

* * *

Когда подходишь к большому колодцу, это чувствуешь сразу.

Тем более - если перед тобой очень большой колодец.

Можно представить восторг первопроходцев, впервые вставших на этот край! Собственно, колодца еще не видно. Он только угадывается впереди в гулком эхо наших голосов и гуле падающей воды.

Обвешиваем воду на 15-метровом предколодце. Узковатый меандр распахивается вширь, оставляя воде и нам только неширокую прорезь на самом верху. Здесь приходится натянуть троллей (*284), чтобы не завершить спуск в уходящей неведомо куда расщелине. По этому веревочному мостику перебираемся на небольшую полку. Всюду следы предыдущих навесок, куда-то вниз уходит черный и толстый японский трос в нейлоновом покрытии, брошены остатки перил.

Выбираем стену подальше от этого опасного соседства - еще не хватало запутаться на спуске.

Пока забиваем в полку несущие крючья, смотрю на часы.

Я жду группу Волкова. Я так ее жду!

Если парни нас не догонят, нам предстоит...

Лучше об этом не думать!

А пока после короткого перекуса в колодец уходят Юра и Кузмич.

Сижу с Параконным на полке и завидую: первыми обработать под одинарную веревку такой колодец - суперприз!

Весьма возможно, что работающие сейчас на отвесе не разделяют моих чувств. К сожалению, мне надо быть здесь, посередине. Чтобы иметь возможность получать информацию сверху и снизу и попытаться вовремя и правильно среагировать, принять нужное решение.

...Вот уже часа два греем с Володей скальную полку над колодцем, курим, мерзнем, ждем. Откуда-то снизу доносятся гулкие голоса и перестук молотков. Парни прошли первый 95-метровый "уступ" и выходят на следующий 60-метровый.

Что же нам-то делать? Идти вниз вслед за первой двойкой или еще подождать?

Мы работаем уже 12 часов. И даже сидеть вот так в ожидании - это тоже работа, уносящая тепло и энергию.

* * *

Фортуна любит настойчивых и упорных.

Везением можно назвать удачу по причинам, от нас совершенно не зависящим.

Везение - это что нет дождя на земле, что не оборвался не вовремя подточенный водой камень, что...

Остальное - это наша работа, наше умение заставить себя сделать то, что необходимо, и так, как следует.

"Волки" не подвели. Как и полагается в приключенческом жанре, они появились в самый последний момент, когда Параконный уже начал спуск по колодцу, а я практически смирился с мыслью, что нам придется самим возвращаться за оставленными в меандре мешками. Не отступать же от задуманного!

Они появились втроем: Понтя, Волков и Кэп, появились, как подземные ангелы, озарив верх предколодца светом Андрюхиной карбидки и огласив его приветственными возгласами. Шалыга с разбитыми в предыдущем выходе коленями, вынужден был остаться на -600, и они втроем замкнули нашу тактическую цепочку.

Группы соединились, мешки обрели свое место в запланированном графике, путь дальше теперь зависел только от воли и усилий первой штурмовой группы. И это было самое замечательное.

Мало того, парни помогли еще и спустить доставленные мешки на первую 95-метровую ступень Большого колодца, распечатав для себя -1000 метров в Пантюхинской.

* * *

...И вот иду по этой кажущейся бездонной трубе. Впечатления потрясающие. Мне еще не приходилось видеть таких объемов, поставленных торчком, дыбом.

Где-то далеко внизу - крохотные огоньки первой двойки. Навеска сделана грамотно - минимальное количество крючьев, максимум выдумки в использовании естественных точек закрепления веревки. У болгар мы переняли способ навески на тросовые и стропяные петли, которыми охватываем подходящие выступы и проушины.

Но, конечно, не обходится без проколов.

На самый верх этой бездны у нас была припасена замечательная 140-метровая испанская веревка, купленная мной у того же Мартина Трантеева в Красноярске.

Целый мешок веревки одним концом!

Навешивать такую веревку - одно удовольствие. Суперстатик, она практически не растягивается под нагрузкой, но как-то подозрительно и очень противно скрипит меж планок решетки на спуске.

Пока я встречаю парней с предколодца и оттягиваю их веревкой на свою полочку, Параконный скрывается за выступом стены и, едва начав спуск, подает голос:

- Шеф! Здесь веревка потерта.
- Сильно?
- Нормально, в принципе.
- Узел завяжи!
- В принципе, нормально, езжай, сам посмотришь. Я ухожу ниже.

Через несколько минут начинаю спуск, внимательно всматриваясь в трассу, чтобы не проскочить опасное место.

Вот оно! ... Оторопело смотрю на веревку.

С одной ее стороны на добрых 10-ти сантиметрах оплетка напрочь в махрах.

- Вова! - кричу я. - Ты что, в рай захотел?!
- Повтори? - доносится с нижних перестежек.

Вот так и влетают. Отупев от усталости, потеряв часть бдительности, в стремлении сделать побыстрее.

И еще с грузом! Каждый из нас несет на себе по 2-3 тяжеленных транспортника...

Что толку теперь рассуждать? Вяжу узел. Веревка слишком близко подходит к скале, и видимо, иногда ее касается. Надо переделывать закрепление. Явственно чувствую в себе борьбу желаний: ограничиться узлом в расчете на то, что потертость возникла просто потому, что оплетка в этом месте была ослаблена - расшеркали спусковыми и все.

А вдруг нет? Вдруг это касание, трение о скалу?

Тогда мой узел продержится не дольше, возникнет новая потертость, и... Страшно подумать, что может случиться. Нет, надо переделывать навеску.

Еще лет шесть назад мне такая мысль и в голову бы не пришла...

... Колодец, как диковинный стадион трибунами, опоясан наклонными скальными полками. Как говорят геологи - "матрасовидная отдельность" Что-то вроде того.

Длинные траверсы (*285) вдоль этих "трибун" приводят ко второму 60-метровому отвесу. Все это весьма условно - 95-метровый уступ, 60-метровый...

Путь ведет вниз по сплошному каскаду больших и малых уступов и отвесов, все вместе составляющих этот замечательный колодец. Здесь возможны сотни различных путей. И мы выбираем свой. Но как-то заворожено пытаемся найти следы старых навесок.

Те, кто идет впереди, ориентируются по веревкам: закончился мешок - есть метров 100 вертикали. Нам, идущим следом, сложнее.

Сколько же мы прошли? Только объемное пламя карбидок не дает нам потеряться в этих великолепных пустотах.

Почему-то приходит в голову старый анекдот:
"Что по курсу, боцман?"
"Шестивесельный баркас, капитан".
"Что по правому борту?"
"Шестивесельный баркас, капитан".
"Что по левому борту, боцман?
"Шестивесельный баркас, капитан!"
"Боцман, стряхните мандовошку с окуляра!"

Порой ощущаю себя подобным насекомым, забравшимся внутрь подзорной трубы.

С верха 60-метрового уступа наслаждаюсь зрелищем уходящих восвояси, к Базе-600, мужиков. Диковинными светляками они нанизаны на невидимую нить веревки: свет карбидок световыми кольцами высвечивает колоссальные стены надо мной.

Неужели мы когда-нибудь были наверху среди Гор и Солнца?

Вспомни Кавказ -
  Цвет наших дней и ночей.
Вспомни Кавказ -
  Хребты стоят, как стены.
Вспомни Кавказ -
  Перебери не спеша
Стопку надежд,
  Сложенных, как монеты...
   Видишь, стоит
     Над миражом мираж!
   Завтра с тобой

     Мы этот путь пригубим.
   Ты улыбнись,
     И подмигнет Гора,
   Паром дохнув
     Через пещеры губы...
       Ты не забудь
         Судьбы прищура в лицо.
       Соткан наш путь
         Из черноты и света.
       Кто-то внизу
         Высветит стены кольцом
       И обручит
         Нас с тишиной навеки. (*286)

* * *

...Мы в Базе-1100. Позади 18 часов работы.

Теперь, чтобы удержаться в суточном ритме, нам остается спать не более 6 часов.

Хорошенькое дело! Но мы не можем удержаться от смеха, вспоминая последний этап спуска по Большому отвесу. Смешно то, что мы сбились-таки, запутались в колодце. Это ж придумать!

На схеме все выглядит просто: уступы 95 метров, 60 метров, затем 22, 24 и дно колодца с желанной базой в нише под стеной. Вернее, с местом для нее, потому что саму базу надо еще поставить.

Но, идя нестандартным маршрутом, по каким-то бесчисленным полкам, отвесам, маятникам и траверсам – и все это внутри одной и той же 200-метровой каменной трубы, мы, в конце концов, могли ориентироваться только по количеству оставшейся в мешках веревки.

Черт его знает, что там под нами – дно или очередной уступ?

Пока Федор с Бессергеневым навешивают веревки, мы с Параконным транспортируем груз. Мешков на нас двоих оказалось многовато, чтобы все их нести на себе, и на коротких уступах излишки спускаем по старинке, отдельной веревкой.

И вот – очередная обширная, усыпанная глыбами, полка, на которую по дальней стене с шумом валится сверкающий ручей. Дует капитально. Стоит остановиться, и чувствуешь, как покрываешься инеем.

Федя уходит в следующий отвес. Пока он забивает крюк, мы готовим вязанку мешков к спуску.

– Свободно! – это Кузмич. – Иду ниже!

– Давай спускай! – следом уходит на отвес Бессергенев, это он нам. – Спускай мешки, я сопровождаю!

Травим с Параконным веревку. Без особых затей, прямо через поясницу. Тяжеленная получилась вязанка!

– Сто-оп! – доносится снизу, и мы мгновенно тормозим спуск, зажимаем, держим тугую струну веревки.

– Что там?

– Непонятно, уступ, какой-то! – это Федя. – Сейчас посмотрю.

Держим мешки. Спина начинает противно ныть от напряжения.

Вот идиот, не встегнул веревку в спускер! (*287)

А с другой стороны, без крюка спускаем – встегнешь, куда потом от мешков денешься?

Держим мешки. Это начинает надоедать.

– Вовка, – говорю Параконному. – Я подержу один, а ты выйди на край и посмотри, чем они там занимаются.

Держать одному не менее хреново. Параконный с присущим ему бесстрашием выходит на самый край.

– Не видно ни фига!

– Э-эй! – вдруг доносится снизу. – Вы чего там делаете?

– ...?! (Здравствуй, дурень, Новый год!)

– Дак мы на дне давно! Спускайтесь!

– А мешки?

– Мешки? Вот они мешки. Висят почему-то над самым дном. У вас что – веревка зацепилась?

Плохо иметь хорошую реакцию!

И теперь лежа в каменном кармане, отгороженном от колодца полиэтиленовыми занавесями, мы покатываемся со смеху.

База -1100! Это прекрасно!

* * *

Что же есть – Глубина?

Я теперь не скажу.

Раньше было все как-то понятней.

Мы вернулись со Дна,

Мы уже наверху,
И, ей Богу, не тянет обратно!
Только где-то внутри
Все дрожит та струна,
И наш путь в глубину продолжается.
Может быть, старина,
Глубина - это Риск?
Подскажи, если можешь, пожалуйста. (*288)

Неужели мы уже на земле?

Я лежу в палатке, прислушиваясь к таким знакомым, но будто забытым, звукам букового леса, окружающего лагерь.

Вчера наша четверка вышла из Пантюхинской, и пещера все еще звучит в каждой клеточке моего тела.

Выбираюсь из-под полога, зелень и солнце бьют по глазам радостной гаммой. Вокруг палатки развешены на просушку многочисленные подземные одежки и снаряжение.

Черт, надо же порвать комбинезон на последнем 10-метровом колодце! Красный бельгийский комбинезон, который я так удачно купил у Васи Вилисова в Адлерском аэропорту за 400 рублей. Бешенные деньги, но зато как в нем работалось!

И обо что порвал? О нашу советскую тросовую лестницу, болтавшуюся в этом отвесе со времен прошлых экспедиций!

Слышу Борькин голос:

- Мама! Папа проснулся!

Старший, Алешка, бросает свою дымокурню у корней рядом стоящего бука, где он старательно пробует на огонь остатки разнообразного экспедиционного барахла, и улыбается:

- Доброе утро! Ну, как?

Глубина - это, знаешь...,
Когда не до сна
Там, на "тысяче сто" или ниже,
Когда мокрые спальники
Паром дымят,
И Пещера в лицо тебе дышит.
Это шепот каскадов
И посвист камней,
Это страх вперемешку с восторгом,
Это крик камнепадов
В густой тишине
И колодцы в величии строгом.

От палаток, в два ряда расставленных по поляне, улыбается новокузнечанин Володя Параконный, в своей красной, сшитой из государственного флага СССР, жилетке с серпом и молотом на спине.

У кострища на кухне греется белоусовец Федор Кузмич. Рыльский один из самых молодых в нашей четверке, но - Федор Кузмич. Есть за что.

Люба колдует у котлов, и оттуда соблазнительно пахнет съестным.

Земля! База!

Люба улыбается от котлов.

Скрипя костями, подхожу к разрезу пропасти (*289), привязанному на дереве посреди лагеря. При виде этой "портянки" с силуэтами колодцев и меандров испытываешь уважение - на добрых два метра вытянулась она по стволу.

У карты Бессергенев.

- Привет, Митрич!

- Привет! Были, что ли?

- Были. Как там сейчас мужики...

А еще – это лица
Друзей у свечи,
Тех, что слов не бросают на ветер.
И ручей по стене,
Что живительно чист,
И тот крюк, что последний на свете.
  Кто же может сказать,
  Что же есть – Глубина?
  Мы не знаем, хоть вышли оттуда.
  Только, видно, опять
  Нас потянет она,
  Где-то в душах оставшись под спудом.

Молча смотрим с Бессергеневым на схему, и трудно представить, что еще вчера мы пробирались вот по этим отвесам, меж двумя прихотливо отрисованными на бумаге линиями.

Если нас нанести на эту карту, то в масштабе мы будем едва заметными точками...

* * *

Что запомнилось мне в нашем броске на Дно?

Почти 500 метров вниз, те же 500 наверх. И все, за 18 часов.

Стартовый груз – крючья, навесочное железо, 4 мешка с веревкой и одна 10-литровая полиэтиленовая банка с флюоресцеином – биологически безвредным красителем для трассирования водотоков.

Проход в глубину открывается из Базы-1100 буквально под нашим спальным мешком – среди глыб каменного навала. Через несколько метров он уже насквозь пробивается струйками сбегающего со дна Большого отвеса ручья. Пожалуй, это самое мокрое место на всем маршруте. Если не считать придонного каскада колодцев, где нам, от усталости, наверно, не удалось как следует обвесить поток.

Движение по сумрачным весьма сухим отвесам с недлинными меандрами между ними слилось в единую цепь полуразмытых картин штурма, где каждый последующий шаг похож на предыдущий.

И только отдельные картины впечатались в память с непостижимой резкостью.

...На предпоследнем колодце вдруг обнаружилось трение под самым верхним крюком.

Федор уже внизу, уходит вниз Юра, мы с Параконным пока стоим на широкой полке, простреливаемой шрапнелью водопада.

Бессергенев замечает трение, в нерешительности останавливается.

Мне приходит в голову простой и эффективный в таких случаях выход – оттяжка, отклоняющее закрепление. Но беда в том, что ее не за что закрепить: навеска идет по левой стене, а правая далеко – метрах в трех.

Сращиваю запасные репшнуры, пытаюсь закрепить оттяжку за карровые ребра: не выдерживая нагрузки, они один за другим обламываются. Здесь все изъедено водой. Наконец, с трудом обвязываем здоровенную глыбу, что высится на полке по правой стене – закладки и другое снаряжение давно кончилось.

Натягиваем оттяжку струной, отрываем рапель от стены, и Юра скользит вниз.

– Свободно!

Пока Параконный пристегивается, стою у этой глыбы, опершись на нее спиной. Даже не закурить – сеет тонкая водяная взвесь. Да и пойду скоро.

Володя нагружает рапель, делает пару шагов вниз, и вдруг... я ощущаю, как глыба за моей спиной шевелится и ползет на меня.

Этого еще не хватало! Что есть силы, упираюсь сапогами в пол – этакая помесь атланта с кариатидой! Держу. А куда деваться?

Глыба ослабляет напор.

- Свободно!
Самому-то как идти?
Четырежды козел! Подкладка!
Отвязываю оттяжку, мастерю из обрывка транспортника подобие подкладки, привязываю к крюку.
Всех и дел. А то - глыбы подпирать!

... Последний отвес каскада в сверкающих искрах брызг, норовящих залить карбидку. Пролезаем под упавшим откуда-то каменным блоком, взбираемся на осыпь.
Мы на месте Базы-1350 (*290).
Черт возьми! Неужели кончились вертикали?
В этом наша задача выполнена.
"Горбатая" галерея радует глаз обширностью размеров. Здесь остатки полиэтиленового занавеса, видимо, защищавшего лагерь от брызг из близкого колодца.
Пока мужики варганят перекус, идем с Параконным высыпать флюоресцеин в уходящий из-под основного каскада поток. Через несколько минут упираемся в сифон. Пора.
Открываем герметически запечатанную банку и начинаем вытряхивать в воду кроваво красный порошок. Размешиваем краску сапогами, и они немедленно приобретают тот же необычный для пещеры цвет. Даже не верится, что эта кровь при дальнейшем разбавлении приобретет нежный зеленый оттенок.
Все. Пусть Клименко с Резваном ставят свои ловушки.
Где-то наш маячок выплывет на поверхность. Но где?
Научная часть программы тоже завершена.
Теперь остается только пройтись для души.

* * *

... В нижней своей части Пантюхинская напоминает мне Сумган.
Те же высоченные галереи, лабиринтами разбегающиеся в неведомое, та же сторожкая тишина и белоснежные натеки на сумрачных сводах.
В одном месте со стены свисают веревки: сюда вываливаются начавшиеся сотней метров выше "штаны" - разветвление основного вертикального хода.
И сюда же во время паводка приходит главный поток.
Поэтому, следуя рекомендациям Галошина, мы пошли другой "штаниной".

Толстая глина на полу, окатанные глыбы. Спускаемся в несколько отвесиков и останавливаемся перед последним 10-метровым колодцем. В него можно спуститься просто так, спортивным. Но...
- Давай, Кузмич! - говорю я. - Твое право на последний крюк.
Федором забито большинство крючьев придонной части.
И вот его неутомимые руки ловко вертят пробойник, молоток нарушает тишину Дна.
Наш последний крюк и оставленное здесь тросовое ушко.
Дальше навесок нет. Это - "Экватор".
А пока можно пойти погулять по величественным, таким чудесно просторным галереям и ходам.

... Эти покрытые марганцовистыми черным, как антрацит, налетом камни напоминают мне галерею Зиг-Зага, далекое Кутукское урочище. Утрамбованная выглаженная глина на полу, тонкий песок говорят о том, что эти проспекты подтапливаются. И видимо, не слабо. Классно было бы поработать здесь на дальнейшее прохождение.
Но, увы, без опоры на донную Базу это мало реально. Даже при одноверевочной технике.

Слоняемся по обширным галереям, забираемся в какие-то окна в изъеденных эрозией стенах, тычемся в завалы, ручьи и сифончики. Это просто прогулка. Что-либо искать здесь в нашу задачу не входит.

Стремиться еще дальше вниз через низкий полусифон, чтобы достичь номинально нижайшей точки - мальчишество. Да и нижайшая ли она?

Мы сделали свое дело, совершили первое SRT-прохождение и составили первое SRT-описание глубочайшей (с одним входом) пропасти планеты.

Теперь нас ждет дорога наверх.

Неужели над нами полтора километра горных пород?

Что ж, пора. Мы все в отличной форме, даже донимавшая Юру головной болью простуда притихла.

* * *

...Один за одним, придерживая друг другу хвост рапели, ввинчиваемся в бесконечную спираль подъема к Солнцу.

Я еще не думаю о нем. Предел мечтаний - База-1100.

Часов через 5-6 мы будем в теплых, хоть и влажных спальниках.

Правда, толком поспать снова не удастся. Потому что невидимая сила графика уже ведет нам на смену другие штурмовые группы, и мы должны освободить им место в подземном "доме".

А пока мы идем наверх.

Что же есть - Глубина?
Я теперь не скажу.
Ну а ты?
Нет?
Ну, видишь? Тем паче!
Мы вернулись со Дна.
Мы вернулись со Дна.
Мы вернулись.
А как же иначе.

***282 К.Б.Серафимов** "Как сладок сон", пропасть им. В.С.Пантюхина, 1990г.
***283** Сам придумал, сам на память выучил...
***284 ТРОЛЛЕЙ** - натянутая под уклоном к вертикали веревка или стальной трос для ухода с линии падения воды или приземления в заданную точку.
***285 ТРАВЕРС** - движение поперек склона.
***286 К.Б.Серафимов** "Помни Кавказ", Бзыбский хребет, Абац, 1990г.
***287 СПУСКЕР** - устройство для спуска по веревке, спелеосленг.
***288 К.Б.Серафимов** "Глубина", урочище Абац, 1990г.
***289 РАЗРЕЗ** - топографическая разрез-развертка пропасти лучше всего дает представление о ее вертикальном строении.
***290** -1380, если судить по присланной мне В.Я.Рогожниковым схеме сборной УССР чемпионата СССР по спелеотуризму 1988 года. По Вольскому здесь -1300, по Галошину -1350. В общем, как у всякой порядочной Пропасти, чем ближе ко Дну, тем больше вариантов.

Константин Борисович Серафимов
"ЭКСПЕДИЦИЯ во МРАК"
www.sumgan.com